

На правах рукописи

ЧЕБЫКИН Дмитрий Дмитриевич

**ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ»
В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Краснодар
2026

Работа выполнена на кафедре философии, культурологии и межкультурных коммуникаций государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Крымский университет культуры, искусства и туризма» Министерства культуры Республики Крым

Научный руководитель:

МИКИТИНЕЦ Александр Юрьевич,

кандидат философских наук, доцент, ГБОУ ВО «Крымский университет культуры, искусства и туризма», проректор по научной работе и информационной политике, доцент кафедры философии, культурологии и межкультурных коммуникаций

Официальные оппоненты:

КУПЦОВА Ирина Александровна,

доктор культурологии, профессор, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой медиаобразования

ЕФИМЕЦ Мария Александровна,

кандидат культурологии, ФГКВООУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского», преподаватель кафедры языкознания и литературы

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры»

Защита состоится 30 апреля 2026 г. в 11.00 часов на заседании объединенного диссертационного совета 99.0.131.03 на базе ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры», ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва», ГБОУ ВО РК «Крымский университет, культуры, искусств и туризма» по адресу: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, каб. 28.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» по адресу: 350072, г. Краснодар, ул. 40 лет Победы, д. 33, корп. 1. Электронная версия полного текста диссертации размещена 17 февраля 2026 г. на официальном сайте объединенного диссертационного совета 99.0.131.03: http://dissovet.heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2026/02/Chebikin_diss.pdf.

Объявление о защите и электронная версия автореферата размещены 28 февраля 2026 г. на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации: <https://vak.minobrnauki.gov.ru> и на официальном сайте объединенного диссертационного совета 99.0.131.03: <http://dissovet.heritage-institute.ru>.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т. В. Коваленко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью кросс-культурного взаимодействия в условиях трансформации культурной ситуации в геополитических условиях XXI века, что связано прежде всего с развитием информационных технологий и расширяющимися возможностями их влияния на сознание личности. Кросс-культурное взаимодействие представляет собой сложный процесс взаимовлияния и адаптации между представителями различных культур, направленный на обмен ценностями, нормами, знаниями и практиками в условиях культурного разнообразия. Сложность данного процесса определяется как разнородностью субъектов, вступающих во взаимодействие, так и компонентов кросс-культурного взаимодействия, к которым относятся культурный контекст, язык, культурная грамотность и образованность. Данные компоненты остаются недостаточно изученными в контексте геокультурной политики, что усугубляется «двойственным» влиянием глобализации на кросс-культурное взаимодействие: с одной стороны, технологическое развитие упрощает процессы коммуникации, а с другой – провоцирует процесс культурной гомогенизации, угрожающей локальным идентичностям (например, вытеснение языков малых народов) и формированию многополярного мира.

Формирование многополярного мира предполагает установление геокультурного диалога, основой которого выступает кросс-культурное взаимодействие. В условиях многополярного мира оно становится ключевым механизмом культурного взаимодействия, формирования международных альянсов, разрешения конфликтов и укрепления взаимного доверия между государствами и обществами. Роль геокультурного диалога и культурного взаимовлияния (партнерства, обмена) усиливается на фоне трансформации традиционных моделей власти, где влияние через культуры и ценности начинает все больше конкурировать с жёстко-административными методами управления. Примером несиловых методов управления обществом и несилового воздействия на личность выступает «мягкая сила».

«Мягкая сила» – это культурно-политическая концепция, разработанная в конце XX века американским политологом Джозефом Наем. «Мягкая сила» является альтернативой «жёсткой силе», базирующейся на использовании военной и экономической мощи государства. Она предусматривает способность государства добиваться своих целей за счет распространения культуры, трансляции и упрочения соответствующих ценностей средствами государственной политики. Инструменты «мягкой силы» являются своего рода «трансляторами» морально-нравственных идеалов и позитивных примеров образа жизни, сложившихся в той или иной культуре. При этом в существующих

теоретических исследованиях данной проблематики «мягкая сила» рассматривается прежде всего как механизм политического влияния, что, безусловно, ограничивает изучение её потенциала в сфере общекультурного развития и обеспечения взаимопонимания народов и государств.

Российская Федерация, являясь активным участником международных отношений в различных сферах, в том числе и сфере культуры, с необходимостью выступает субъектом распространения и использования «мягкой силы» как одного из механизмов реализации и упрочения своего политического влияния и политической устойчивости.

Современный политический и социальный контекст развития кросс-культурного взаимодействия как необходимого условия устойчивого развития общества в ситуации внешних и внутренних вызовов актуализирует внимание на роли «мягкой силы» в качестве механизма его гармонизации, в том числе и в России – многонациональном государстве с уникальным культурно-цивилизационным опытом. В связи с этим возникает необходимость культурологического осмысления инструментов «мягкой силы» и условий оптимизации их применения в условиях активного развития кросс-культурного взаимодействия в современном глобализирующемся мире, что определяет актуальность данного диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблематики. Понятие кросс-культурного взаимодействия является междисциплинарным и не имеет однозначной интерпретации. В современной науке оно используется для обозначения взаимодействия, подразумевающего культурные отличия, на различных уровнях: межличностном, межкультурном, межконфессиональном и иных. Поэтому, исходя из существующих теорий кросс-культурного взаимодействия, можно выделить его сущностные составляющие. Основываясь на заявленной проблематике, отметим исследования кросс-культурного взаимодействия в различных контекстах. В частности, в работах американского антрополога Э. Холла, в зависимости от значимости культурного контекста взаимодействий для коммуникатора, выделяются такие типы культур, как высоко- и низкоконтекстуальные. Данный подход акцентировал внимание на необходимости учёта коммуникатором соответствующего культурного контекста для успешного осуществления взаимодействия.

Контекстуальная обусловленность кросс-культурного взаимодействия подчеркивалась нидерландским социологом Г. Хофстеде, который, сравнивая стили общения, поведения, нормы и ценности в разных культурах, выделил критерии различий на основе «культурных измерений», к которым он относит дистанцированность власти, избегание неопределённости, индивидуализм/коллективизм, маскулинность/фемининность, долгосрочная и краткосрочная

ориентированность, потворство желаниям/сдержанность. Подход Г. Хофстеде к кросс-культурному взаимодействию опирается на культурный контекст, сформированный в обществе в соответствии с перечисленными измерениями. В целом теории Э. Холла и Г. Хофстеде дополняют друг друга, так называемый культурный контекст рассматривается ими в качестве определяющего условия кросс-культурного взаимодействия.

Значимость культурной грамотности и образованности в кросс-культурном взаимодействии затрагивается в работах М. Беннетта, Э. Хирша, О. А. Ужовой. В частности, опираясь на модель развития межкультурной чувствительности, М. Беннет акцентирует внимание на роли образованности в преодолении этноцентризма и формировании адаптивных стратегий поведения в мультикультурной среде. Э. Хирш подчёркивает значение культурной грамотности как системы общих знаний, необходимых для эффективного взаимодействия представителей разных культур. Культурная грамотность и образованность субъектов оказывают непосредственное влияние на кросс-культурное взаимодействие и потому являются важнейшими его составляющими наряду с культурным контекстом.

Исследованием языка как одного из ключевых факторов развития кросс-культурного взаимодействия занимались отечественные исследователи: Я. В. Таран, Т. Ю. Данильченко, П. В. Невская (в контексте роли языка в оптимизации коммуникации), И. А. Купцова, Е. А. Бучкина (в контексте роли языка в репрезентации этнической идентичности).

Различные аспекты кросс-культурного взаимодействия как социокультурного феномена разработаны в исследованиях А. А. Азнабаева и К. Л. Хусаинова (в аспекте межцивилизационного взаимодействия), О. М. Дорошенко и А. И. Ковалева (как фактора инкультурации), М. А. Еранцева (в контексте этнокультурной картины мира), И. А. Макеева и М. Д. Напсо (в контексте преодоления этноцентризма), Н. В. Сорокиной (в контексте преодоления национальных стереотипов) и др.

Таким образом, рассмотрение кросс-культурного взаимодействия требует многостороннего подхода и учёта различных составляющих его осуществления.

Осмысление кросс-культурного взаимодействия в современном глобализирующемся мире потребовало анализа и переосмысления результатов зарубежных и отечественных исследований, направленных на изучение роли культуры и межкультурных коммуникаций в геополитических, геокультурных глобальных процессах. Среди таких трудов выделим работы И. Валлерстайна, М. Кастельса, Э. Макгрю и Д. Хелда, К. Маркса и Ф. Энгельса, Дж. Ная, Р. Роберсона, С. Сассен, С. Хантингтона, а также Е. И. Зеленева, М. И. Ивлева и Д. В. Ивлева,

Ж. К. Касымовой, О. О. Комолова, К. Б. Соколова, Р. К. Тангалычева, А. Н. Чумакова, М. А. Ефимец, А. Н. Володина.

В рамках изучения историко-философских оснований концепции «мягкой силы» рассмотрены похожие идеи, изложенные в трудах Платона («Государство»), Аристотеля («Риторика»), М. Т. Цицерона («О государстве»), Сунь-Цзы («Искусство войны»), Н. Макиавелли («Государь»), А. Грамши («Тюремные записки»), И. А. Ильина («О сопротивлению злу силой») и других классиков отечественного и зарубежного философского наследия. Это позволило осмыслить «мягкую силу» как концепцию, имеющую длительную теоретико-философскую традицию.

Для изучения культурно-антропологических оснований концепции «мягкой силы» были привлечены идеи и подходы, изложенные в работах Э.Б. Тайлора («Первобытная культура: изучение развития мифологии, философии, религии, искусства и обычаев»), Ф. Боаса («Ум первобытного человека»), Б. Малиновского («Научная теория культуры и другие эссе»), Р. Бенедикт («Хризантема и меч: модели японской культуры»), Г. Тарда («Общественное мнение и толпа»), Г. Лебона («Психология масс»). Эти мыслители акцентировали внимание на этнических и психологических аспектах формирования и реализации «мягкой силы».

Концепт «мягкой силы» в политическом аспекте разрабатывался в многочисленных работах Дж. Ная, обосновавшего критерии для разделения политического влияния на «жесткую силу» и «мягкую силу». Учёный выделил и рассмотрел основные ресурсы обеспечения «мягкой силы» (к таким ресурсам он отнес культуру, политические ценности и государственную политику). Особое влияние работы Дж. Ная оказали на теоретическое осмысление публичной дипломатии как инструмента «мягкой силы», в частности, в своих работах он дал определение понятия «публичная дипломатия», выделил измерения её реализации.

Различные аспекты реализации «мягкой силы» также были рассмотрены в работах следующих учёных: Т. Ханса и У. З. Артамоновой (как средство публичной дипломатии); М. М. Лебедевой (в аспекте соотношения публичной дипломатии с другими инструментами «мягкой силы»); Е. М. Астахова, М. Каммингсона и Ю. С. Конышевой (в контексте культурной дипломатии); А. А. Великой и О. А. Разиной (в контексте музейной дипломатии); О. И. Бычковой и И. И. Горловой, К. А. Тарабарко (в контексте рассмотрения культуры как основного ресурса для формирования «мягкой силы» и обеспечения её эффективного применения); Л. А. Пронина, А. С. Щербак (в контексте рассмотрения продвижения языка как важного инструмента «мягкой силы»).

Осуществленный анализ научной литературы позволят выявить противоречие между растущей потребностью в эффективном кросс-культурном взаимодействии в условиях глобализации и недостаточной

изученностью культурно-специфических механизмов применения инструментов «мягкой силы», что на практике ведет к коммуникативным сбоям, недоверию и снижению эффективности диалога, составляющее **проблему исследования.**

Объект исследования: кросс-культурное взаимодействие в современном мире.

Предмет исследования: особенности применения инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии.

Цель исследования: выявить особенности применения инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии.

Логика достижения поставленной цели предполагает решение следующих **задач:**

1. Раскрыть сущность основных подходов к интерпретации кросс-культурного взаимодействия.

2. Выявить тенденции кросс-культурного взаимодействия в современных геополитических условиях.

3. Раскрыть генезис концепции «мягкой силы».

4. Выявить особенности применения инструментов «мягкой силы» в контексте внешней культурной политики.

5. Раскрыть особенности применения инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии в контексте зарубежного опыта.

6. Выявить особенности использования инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии в контексте соответствующей отечественной практики.

Хронологические рамки исследования заданы необходимостью рассмотрения применения инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии в условиях современной социально-политической практики и охватывают конец XX – начало XXI в.

Территориальные границы исследования определяются необходимостью изучения применения инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии в контексте как отечественной, так и зарубежной практики.

Круг источников исследования.

1. Первой категорией источников выступают нормативно-правовые акты Российской Федерации и международные договоры, ратифицированные в Российской Федерации:

а) Конституция Российской Федерации, анализ которой позволил выделить одно из основных направлений внешней культурной политики, а именно сохранение общероссийской идентичности, в том числе соотечественников, проживающих за рубежом;

б) международные договоры, ратифицированные в Российской Федерации, позволившие определить страны, с которыми Россия

взаимодействует в области культурного сотрудничества, а также раскрыть условия и принципы данного сотрудничества;

в) федеральные законы и подзаконные акты Российской Федерации, посредством которых выявлены механизмы и структура реализации внешней культурной политики России.

2. Ко второй категории источников относятся локальные акты и отчётная документация федеральных органов исполнительной власти.

3. В третью категорию источников включены статистические данные, полученные из официальных сайтов учреждений и организаций, аналитических статей и периодических научных изданий, анализ которых позволил определить состояние «мягкой силы» России по отношению к другим странам в современных условиях, а также проблемные вопросы реализации инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии.

4. Четвёртой категорией источников выступает отчётная документация, а также статистическая информация зарубежных организаций, участвующих в реализации «мягкой силы».

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертационного исследования является системный подход, в соответствии с которым кросс-культурное взаимодействие рассмотрено в различных аспектах и для оптимизации которого используются инструменты «мягкой силы». Институциональный подход применялся для определения тех институтов, которые реализовывают применение инструментов «мягкой силы» в рамках кросс-культурного взаимодействия. Решение задач, поставленных в работе, осуществлялось посредством таких общенаучных методов, как: анализ, синтез, систематизация, классификация, сравнение.

Изначальная ориентация на междисциплинарность культурологического исследования, заданная сложностью и многоплановостью его предмета, обусловила привлечение специальных и частнонаучных методов: юридической герменевтики, DEA-анализа, кейс-стади. Юридическая герменевтика применялась в интерпретации нормативно-правовых актов Российской Федерации для определения стратегического вектора деятельности России в области реализации инструментов «мягкой силы» на международной арене. DEA-анализ использован для оценки международного опыта применения инструментов «мягкой силы», что позволило сформулировать индекс их эффективности в оптимизации кросс-культурного взаимодействия. Кейс-стади применялся для определения эффективности отдельных мероприятий, реализуемых культурными центрами.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

– на основе рассмотренных научных подходов к изучению кросс-культурного взаимодействия раскрыты его основные компоненты,

послужившие основой для предложенной диссертантом системы оценки эффективности реализации инструментов «мягкой силы» в соответствующей области;

– расширено поле изучения тенденций кросс-культурного взаимодействия, которые в современных геополитических условиях проявляются либо в процессах унификации (гомогенизации) культуры, либо в процессах культурной дифференциации (гетерогенезации культуры) и определяют соответствующую стратегию реализации «мягкой силы»;

– прослежено формирование и развитие концепции «мягкой силы» в философской и культурно-антропологической традиции. Это позволило выделить коммуникативное и управленческо-прикладное основания реализации «мягкой силы» в контексте кросс-культурного взаимодействия;

– предлагается авторский подход к дифференциации инструментов «мягкой силы» в контексте внешней культурной политики, заключающийся в их разделении по следующим критериям: основной ресурс воздействия и способ влияния на человека и общество;

– в результате изучения основных направлений осуществления «мягкой силы» в зарубежных странах выявлены особенности применения инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии на основе «культуроцентричного» и политико-ориентированного подходов;

– изучение отечественной практики и сопоставление ее с зарубежным опытом применения инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии позволило отнести Российскую Федерацию к группе стран с «культуроцентричным» подходом. В рамках этого подхода уточнено понятие «дипломатии наследия» как принципиально нового инструмента реализации «мягкой силы» России в кросс-культурном взаимодействии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В рамках анализа сложившихся подходов к изучению кросс-культурного взаимодействия определены основные векторы применения инструментов «мягкой силы»: углубление понимания реципиентом культурного контекста страны-коммуникатора; популяризация государственного языка для изучения в мире; повышение уровня грамотности населения; популяризация образовательной системы в мире и научных достижений. Данные направления изучены с помощью международных индексов и рейтингов (глобальный индекс «мягкой силы», представленный независимой консалтинговой компанией по оценке брендов «Brand Finance», а также рейтинг мировых культур, представленный российской газетой «Культура»; рейтинг уровня грамотности населения, предоставленный онлайн-ресурсом «Wisevoter»; база данных компании по дистанционному изучению иностранных языков

«Duolingo»). На их основе выявлена эффективность применения инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии.

2. Современное кросс-культурное взаимодействие характеризуется наличием двух ключевых тенденций: гомогенизацией и гетерогенизацией. Эти тенденции отражают подходы государств к управлению кросс-культурным взаимодействием, где выбор стратегии и инструментов «мягкой силы» определяется контекстом доминирующих социально-политических и социально-культурных задач – от укрепления национальной идентичности до интеграции в глобальное поликультурное пространство.

3. Осмысление философской и культурно-антропологической традиций, отражающих ключевые аспекты ненасильственного воздействия на сознание человека, позволило выделить такие основания реализации «мягкой силы», как коммуникативное и управленческо-прикладное, представляющие, соответственно, механизмы культурного влияния на человека и механизмы практического использования культуры как инструмента управления обществом.

4. Предложена классификация инструментов «мягкой силы» согласно следующим критериям: 1) используемые ресурсы (культурная дипломатия, спортивная дипломатия, научная дипломатия, образовательная дипломатия и т.п.), 2) способы влияния (общественная дипломатия, народная дипломатия и т.д.). Данная классификация учитывает возможность кумулятивного эффекта при использовании инструментов «мягкой силы» (то есть в рамках общественной дипломатии, например, могут привлекаться одновременно культурная дипломатия, образовательная дипломатия и научная дипломатия).

5. Стратегия реализации «мягкой силы» делит государства на две группы. К первой относятся государства, использующие «культуроцентричный» подход (например, Китай, Япония), ко второй – страны, реализующие политико-ориентированный подход (например, США и Великобритания).

«Культуроцентричный» подход заключается в том, что основой инструментального обеспечения «мягкой силы» выступает национальная культура, продвижение которой имеет свою специфику в каждой стране. Так, например, Китай продвигает свою национальную культуру при помощи программ двойного назначения (основная китайская программа «Один пояс, один путь»), а Япония в распространении своей национальной культуры, в основном, полагается на массовую культуру (программа «Cool Japan» («Классная Япония»)).

Политико-ориентированный подход основывается на интеграции политических ценностей в культурный ресурс (например, программы: «International Visitor Leadership Program» («Международная программа

лидерства для приезжих иностранцев») – у США, и «Connecting Classrooms» («Соединяя учебные классы») – у Великобритании).

6. В Российской Федерации в кросс-культурном взаимодействии существует специфика реализации инструментов «мягкой силы». Она заключается в том, что первичными реципиентами влияния «мягкой силы» в основном выступают соотечественники, проживающие за рубежом, а также люди, частично или полностью разделяющие традиционные духовно-нравственные российские ценности (согласно концепции «русского мира»). Данная специфика обуславливает формирование в России принципиально нового инструмента «мягкой силы» – дипломатии наследия. Этот инструмент предполагает деятельность государственных и общественных институтов по сохранению и популяризации памятников культуры, как отечественных, так и зарубежных, в которых отражается общее историческое прошлое, культурное наследие и идея общности культурных ценностей. В силу этого «дипломатия наследия» может выступать эффективным инструментом «мягкой силы», обеспечивающим культурное взаимодействие России и других государств.

Теоретическая значимость исследования заключается в комплексном изучении кросс-культурного взаимодействия с позиции влияния на него инструментов «мягкой силы», применяемых во внешней культурной политике. Совокупность теоретических знаний в области культурологии может быть дополнена понятием «мягкая сила», методикой классификации инструментов «мягкой силы», направлениями их применения, влияющими на кросс-культурное взаимодействие, а также конкретизированными подходами к ресурсной основе инструментов «мягкой силы» («культурологический» и «политико-ориентированный»).

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы для корректировки стратегии внешней культурной политики в области оптимизации кросс-культурного взаимодействия. Результаты исследования применимы в образовательном процессе высших учебных заведений, в работе органов власти, реализующих культурную политику.

Соответствие паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства, в том числе пунктам: 26. Политика как феномен культуры; 28. Право как феномен культуры; 32. Культура и общество. Социокультурная динамика; 36. Культура и национальный характер; 41. Диалог культур и их взаимообогащение. Культурные контакты и взаимодействие культур народов мира.

Степень достоверности и апробация результатов исследования подтверждаются применением базовых методологических принципов и комплекса научных методов, отвечающих поставленной цели и задачам,

привлечением репрезентативных для раскрытия темы материалов: международных нормативных правовых актов, документов стратегического планирования и отчётности федеральных и региональных органов исполнительной власти, уполномоченных в сфере культурной политики, относящихся к исследуемым вопросам научных публикаций, которые позволили раскрыть специфику применения инструментов «мягкой силы» в кросс-культурных коммуникациях. По теме исследования опубликованы 7 научных работ. Основные результаты диссертационного исследования изложены в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации – 4 статьи по научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; в других рецензируемых научных изданиях – 3 статьи. Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры философии, культурологии и межкультурных коммуникаций, сообщались на научно-практических конференциях разных уровней, в том числе: на международной научно-практической конференции «Медиакоммуникации и журналистика: история, культура, технологии, практика» (Симферополь, 2022); международной научной и практической конференции «Крымский диалог: культура, искусство, образование» (Симферополь, 2022, 2024); международной научно-творческой конференции «Искусство и наука третьего тысячелетия» (Симферополь, 2022–2024); всероссийской научно-практической конференции «Крымский мир: культурное наследие» (Симферополь, 2023–2024); международной научно-практической конференции «Приоритетные направления и проблемы развития внутреннего и международного туризма» (Симферополь, 2023); всероссийской научной конференция молодых учёных «Междисциплинарные проблемы современной науки» (Симферополь, 2023); международной научной конференции «Культурная идентичность в современном мире: аналитические модели, способы конструирования и формы репрезентации в рамках мероприятий, посвящённых 95-летию московского иняза» (Москва, 2024); международной научно-практической конференции «Культура и искусство: поиски и открытия» (Кемерово, 2024); всероссийской научной конференции молодых учёных «Междисциплинарные проблемы современной науки» (памяти культуролога и искусствоведа К. Э. Разлогова) (Ялта, 2024–2025); международном научном форуме «Культурное наследие Кавказа как ресурс межнационального согласия» (Краснодар, 2024); международной научно-практической конференции «Человек – природа – общество: теория и практика безопасности жизнедеятельности, экологии и валеологии» (Симферополь 2024); ежегодной научно-практической конференции молодых учёных и аспирантов «Науки о культуре и искусстве: перспективные исследования» (Москва, 2024), международной

научно-практической конференции молодых учёных и специалистов «Идентичность и коммуникация: точки опоры в постглобальной культурной реальности» (Москва, 2025).

Личный вклад соискателя состоит:

- в культурологическом осмыслении особенностей применения инструментов «мягкой силы» в современных геополитических условиях в контексте кросс-культурного взаимодействия;
- в разработке системы оценки эффективности реализации инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии;
- в выделении и рассмотрении коммуникативного и управленческо-прикладного оснований реализации «мягкой силы» в контексте кросс-культурного взаимодействия;
- в классификации инструментов «мягкой силы» в контексте кросс-культурного взаимодействия;
- в выявлении особенностей применения инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии на основе «культуроцентричного» и политико-ориентированного подходов;
- в уточнении понятия «дипломатия наследия» в контексте уникальной отечественной практики реализации «мягкой силы».

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, разделённых на параграфы, заключения, списка использованной литературы. Общий объём диссертации 198 страниц. Список литературы включает 186 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы исследования, анализируется степень научной разработанности проблемы, определяются объект, предмет, цель, задачи исследования, теоретико-методологические основы работы, формулируются положения, выносимые на защиту, определяется степень научной новизны, излагается теоретическая и практическая значимость исследования, приводятся сведения об апробации материалов диссертации и публикациях автора.

В первой главе «**Теоретико-методологические основы изучения кросс-культурного взаимодействия**», состоящей из двух параграфов, исследуются феномен кросс-культурного взаимодействия, его компоненты, особенности осуществления в современном глобализирующемся мире.

В первом параграфе «**Основные подходы к изучению кросс-культурного взаимодействия**» проведён анализ основных подходов к изучению кросс-культурного взаимодействия, который позволил выделить наиболее значимые его компоненты: культурный контекст, язык,

культурная грамотность. Ведущую роль в формировании вышеуказанных компонентов играет государство, осуществляющее соответствующую культурную политику (как внешнюю, так и внутреннюю). Диссертантом отмечается, что в современных условиях глобализации особую важность приобретает именно внешнее направление культурной политики, в реализации которой ключевую роль играют инструменты «мягкой силы». Выделение компонентов кросс-культурного взаимодействия позволяет рассмотреть основные направления использования инструментов «мягкой силы» в области оптимизации кросс-культурного взаимодействия: углубление понимания реципиентом культурного контекста страны-коммуникатора; популяризация государственного языка для изучения в мире; повышение уровня грамотности населения; популяризацию образовательной системы и научных достижений государства в других странах. Эффективность реализации вышеуказанных направлений возможно выявить с помощью международных индексов и рейтингов (глобальный индекс «мягкой силы», представленный независимой консалтинговой компанией по оценке брендов «Brand Finance»; рейтинг мировых культур, приведенный российской газетой «Культура»; рейтинг уровня грамотности населения, опубликованный онлайн-ресурсом «Wisevoter»; база данных компании по дистанционному изучению иностранных языков «Duolingo»).

Во втором параграфе **«Особенности кросс-культурного взаимодействия в современных геополитических условиях»** исследуется влияние глобализации на культурные процессы. В результате анализа различных точек зрения выделяются две ключевые тенденции культурной глобализации: гомогенизация (унификация культурных моделей) и гетерогенизация (культурная дифференциация и локальное сопротивление). Для понимания движущих сил этих процессов в работе осуществлён сравнительный анализ противоположных концепций: однополярного мира, предопределяющего культурную конвергенцию, и многополярного мира, предполагающего укрепление цивилизационной полисубъектности и уникальной идентичности.

Данные концепции находят своё практическое воплощение в соответствующих формах реализации внешней политики, где инструменты «мягкой силы», основанные на культурном ресурсе, становятся основным средством ненасильственного влияния на процессы межгосударственных взаимодействий и конкуренции. В работе показывается, что современные геокультурные процессы характеризуются парадоксальной двойственностью: с одной стороны, через механизмы «мягкой силы» происходит глобальное распространение унифицированных культурных моделей и ценностей (И. Валлерстайн, М. Кастельс), с другой – наблюдается активизация процессов культурной дифференциации, региональной самоидентификации и локального

сопротивления (С. Хантингтон, Р. Робертсон). Именно эта диалектическая взаимосвязь вышеуказанных процессов определяет возрастающую значимость культурной дипломатии и борьбы за «мягкую силу» в системе современных международных отношений.

Государства и общества, неспособные выстроить эффективную систему культурной дипломатии и защиты собственной идентичности, оказываются в уязвимой позиции, а связанные с этим риски заключаются не только в ослаблении геополитических позиций, но и в постепенной эрозии культурного суверенитета под влиянием более активных внешних акторов. В данном контексте геокультурная политика, основанная на стратегическом применении «мягкой силы», трансформируется из инструмента публичной дипломатии в императив обеспечения национальной безопасности. Как показывает проведённый анализ, в современных условиях речь идёт уже не просто о культурном влиянии, но о сохранении права на цивилизационную самобытность в ситуации жёсткой конкуренции глобальных культурных проектов.

Во второй главе **«Концепция “мягкой силы”: генезис и особенности её применения во внешней культурной политике»**, состоящей из двух параграфов, раскрывается генезис понятия «мягкая сила» и обозначаются особенности её реализации во внешней культурной политике.

В первом параграфе **«Генезис концепции “мягкой силы”»** проводится ретроспективный анализ идей, предвосхитивших современное понимание «мягкой силы» (Дж. Най), и выявляются основания для её изучения в контексте управления общественным сознанием. Показывается, что, несмотря на терминологическую новизну, сущностная характеристика «мягкой силы» – способность добиваться желаемых результатов через привлекательность и убеждение, а не принуждение – были предметом рефлексии в философской и социальной мысли на протяжении столетий.

Проведённый анализ генезиса концепции «мягкой силы» позволил выявить её ключевые аспекты и определить коммуникативное и управленческо-прикладное основания.

В философской традиции формирование концепции «мягкой силы» сущностно связано с двумя основными вопросами: во-первых, влиянием коммуникатора на реципиента, а во-вторых, осуществлением влияния культуры на человека посредством её образовательных, воспитательных, регулятивных и иных возможностей.

Философская традиция заложила фундамент понимания коммуникативного основания «мягкой силы», проявляющегося через универсальные механизмы ненасильственного влияния. Формирование понимания возможностей ненасильственного воздействия на человека начинается в античности, где не только были обозначены её ключевые

аспекты, но и выделены два механизма, впоследствии считавшиеся наиболее эффективными. Во-первых, это механизм воздействия на чужое мнение (майевтика Сократа, посредством которой коммуникатор постепенно подталкивает реципиента к «правильному» ответу; способы убеждения посредством этоса, пафоса и логоса, рассмотренные в «Риторике» Аристотеля; концепция психического «заставления» И. А. Ильина). Во-вторых, это механизм управления личностью и массами с помощью таких социальных явлений, как культура («*cultura animi*» Цицерона; «Нравственный закон» Сунь-Цзы; создание позитивного имиджа страны для завоевания «почёта» среди населения, рассмотренное в работах Н. Макиавелли; «культурно-идеологическая гегемония» А. Грамши), религия (европейская средневековая теология), образование (обоснование его важности в философских взглядах Сократа, Цицерона).

Важным источником формирования концепции «мягкой силы» является научная традиция культурной антропологии как отдельной дисциплины, в которой культура рассматривалась не только с точки зрения уникальности и самобытности создавших её народов, но и как необходимый элемент социального управления. Развитие культурно-антропологической мысли напрямую связано с расширением европейских колониальных империй, что привело к появлению новых государственных образований, нуждающихся в «индивидуальном менеджменте» и учёте соответствующих культурных особенностей. В культурно-антропологических исследованиях Э. Б. Тайлора (концепция культуры как сложного целого, состоящего из знаний, верований, искусства, права, морали, обычаев и других элементов), Ф. Боаса (подчеркнувшего значимость полевых исследований и сбора данных для понимания культурных практик), Б. Малиновского (функциональный подход которого стал инструментом глубокого познания местных этических норм и социальных структур, а также тех культурологических сведений, которые могли быть использованы для более тонкого административного контроля); Р. Бенедикт (изучение культуры противника для организации эффективной борьбы против него) изучены различные аспекты управленческо-прикладного основания «мягкой силы». Эти исследования были дополнены социально-антропологическими трудами, в рамках которых исследовались механизмы формирования общественного мнения как условия социального управления и методы воздействия на массы (Г. Лебон, Г. Тард).

Сопоставление и анализ данных концептуальных направлений позволили сделать вывод о том, что современная теория «мягкой силы» Дж. Ная является результатом преемственности развития историко-философской и культурно-антропологической мысли. Теория «мягкой силы» синтезирует результаты многовековых размышлений о непрямом воздействии на человека через убеждение и привлекательность, с

методологическим аппаратом, разработанным для анализа культурных систем и социальной динамики. Таким образом, исследование устанавливает, что «мягкая сила» является не спонтанным продуктом информационной эпохи, а закономерным результатом развития теорий ненасильственного влияния.

Во втором параграфе **«Инструменты “мягкой силы” и особенности их применения во внешней культурной политике»** разрабатывается и описывается интегративная схема реализации «мягкой силы» на основе синтеза идей классической концепции Дж. Ная и коммуникационной модели Б. Вестли и М. Маклина. В результате данного синтеза формируется теоретическая система, состоящая из взаимосвязанных элементов: коммуникатора (государственный или негосударственный актор, иницирующий воздействие), сообщения (специально сконструированный нарратив, «закодированный» в ресурсе «мягкой силы»), коммуникационных каналов (конкретные инструменты мягкой силы) и реципиента (целевая иностранная/инокультурная аудитория). Ключевым элементом модели выступает государство-реципиент, выполняющее функцию «посредника» (по Вестли и Маклину), который активно фильтрует и цензурирует входящие сообщения через институциональные и идеологические «шлюзы».

Эффективность «мягкой силы» прямо коррелирует с многообразием используемых коммуникационных каналов, что позволяет обходить барьеры в общении и обеспечивать успешное взаимодействие. В данном процессе ключевую роль играют инструменты «мягкой силы», перечень которых постоянно расширяется. Учитывая это, в диссертации предложена и обоснована следующая классификация данных инструментов:

1) по используемому ресурсу: политические ценности и институты, культурные образцы, образовательные и научные достижения, экономические модели или дипломатические подходы;

2) по способу влияния: межличностные и межкультурные обмены, деятельность общественных и неправительственных организаций, цифровые коммуникации и медиаплатформы, традиционные теле- и радиовещание, академическая мобильность.

Существенным элементом реализации «мягкой силы» является система акторов, ответственных за трансформацию ресурсов в конкретные инструменты. Диссертантом выделены и проанализированы две основные системы акторов «мягкой силы»:

1) одноуровневая система, где формирование и продвижение «мягкой силы» монополизировано государственными институтами;

2) двухуровневая система, основанная на партнерстве и разделении функций между государством (стратегическое планирование, ресурсная поддержка) и структурами гражданского общества (непосредственная

реализация, создание контента). Делается вывод о большей гибкости, аутентичности и, как следствие, устойчивости двухуровневой системы к фильтрации, поскольку она менее зависит от деятельности государственных институтов.

Таким образом, эффективная реализация «мягкой силы» представляет собой управляемый процесс, включающий определённую систему акторов, соответствующий набор инструментов и адаптивную коммуникационную стратегию, нацеленную на преодоление институционального и цензурирующего сопротивления со стороны государства-реципиента.

В третьей главе **«Современные практики применения инструментов “мягкой силы” в кросс-культурном взаимодействии»**, состоящей из двух параграфов, раскрываются особенности реализации инструментов «мягкой силы» в кросс-культурном взаимодействии в зарубежной и отечественной практиках.

В первом параграфе **«Зарубежный опыт применения инструментов “мягкой силы” в кросс-культурном взаимодействии»** осуществляется применение полученных в предшествующих главах теоретических наработок к эмпирическому материалу. На примере комплексного анализа инструментария «мягкой силы» США, Великобритании, Китая и Японии диссертантом не только выявлены конкретные особенности их применения, но и осуществлена научная типологизация стратегий кросс-культурного взаимодействия. Проведённый сравнительный анализ позволил выделить два доминирующих стратегических подхода к реализации «мягкой силы» в современной международной практике: «культуроцентричный» и политико-ориентированный. В «культуроцентричном» подходе основным ресурсом влияния «мягкой силы» выступает национальная культура в её различных проявлениях. Так, в Китае продвижение культурных ценностей системно интегрировано в программы двойного назначения, прежде всего в масштабный проект «Один пояс, один путь», где культурный обмен выступает неотъемлемым элементом инфраструктурного и экономического сотрудничества. В отличие от китайской, японская стратегия, сфокусированная в программе «Cool Japan», делает ставку на экспорт массовой культуры (аниме, манга, видеоигры, поп-музыка), формирующей позитивный и современный имидж страны, что способствует косвенному позитивному влиянию на восприятие целевыми аудиториями.

Политико-ориентированный подход характерен для США и Великобритании. Его сущность заключается в имплицитной или эксплицитной интеграции политических ценностей и моделей (демократия, права человека, верховенство права, «открытое общество») в культурные, образовательные и гуманитарные программы. Это наглядно

демонстрируют такие инструменты «мягкой силы», как американская программа «International Visitor Leadership Program», нацеленная на формирование лояльной элиты через ознакомление с политическими и культурными институтами, или британская инициатива «Connecting Classrooms», продвигающая культурно-политические ценности в рамках образовательного сотрудничества.

Таким образом, в диссертации продемонстрировано, что зарубежный опыт применения «мягкой силы» не является однородным, а структурируется в соответствии с доминирующей стратегией, определяющей выбор ключевого ресурса и формат его инструментализации. Предложенная типология подходов к реализации «мягкой силы» («культуроцентричный» и политико-ориентированный) обладает методологической ценностью для сравнительных исследований такого рода и позволяет системно оценивать не только декларируемые цели, но и глубинные ценностные нарративы, транслируемые различными акторами.

Во втором параграфе **«Отечественные практики реализации “мягкой силы” в кросс-культурном взаимодействии»** осуществляется детальный анализ отечественной практики реализации «мягкой силы» и выявляются её уникальные особенности. На основе сопоставления с соответствующей зарубежной практикой делается вывод о том, что в России в целом реализуется «культуроцентричный» подход, однако с выраженной спецификой, обусловленной историческим контекстом и особой цивилизационной идентичностью.

Проведённый анализ выявил две фундаментальные особенности российской «мягкой силы». Первой особенностью является особая конфигурация целевой аудитории (реципиента). В отличие от стран, нацеленных на максимально широкую глобальную аудиторию, первичными и наиболее значимыми реципиентами российской «мягкой силы» выступают соотечественники, проживающие за рубежом, а также лица, культурно или ценностно аффилированные с концептом «русского мира». Это определяет коммуникационную стратегию, сфокусированную на поддержании культурно-исторических связей, продвижении русского языка и трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей, что способствует формированию лояльной и восприимчивой аудитории.

Второй особенностью является создание нового инструмента «мягкой силы» – «дипломатии наследия». Данный инструмент представляет собой целенаправленную деятельность государственных и общественных институтов по сохранению и популяризации памятников культуры, отечественных и зарубежных, в которых отражается общее историческое прошлое, культурное наследие и идея общности культурных ценностей. «Дипломатия наследия» выступает не только как проявление культурного гуманизма, но и как эффективный канал

неконфронтационного диалога, укрепляющий общность и взаимосвязи культур.

Выявление институциональных особенностей реализации «мягкой силы» в различных странах позволил провести сравнительный анализ соответствующих практик. В результате получен вывод, что наиболее релевантной зарубежной практикой по отношению к российской является японская. Установлено, что обе страны формально выстроили двухуровневую систему акторов, предполагающую сотрудничество государственных институтов и структур гражданского общества. Однако на глубинном институциональном уровне обнаружены ключевые расхождения. Так, в Японии «Content Industry Public-Private Council» (Государственно-частный совет по индустрии контента), орган, обеспечивающий комплексную поддержку креативных индустрий на всех этапах – от производства культурного продукта (кино, аниме, дизайн) до его продвижения на мировых рынках. В российской же практике, несмотря на активное государственное финансирование производства культурных продуктов, отсутствует достаточно отлаженный централизованный механизм их системного продвижения за рубежом. Профильные организации не реализуют в полной мере инструменты маркетинговой и дистрибьюторской поддержки, аналогичные японским, что приводит к разрыву между объёмом созданного контента и масштабами его международного распространения.

Таким образом, специфика российской «мягкой силы» состоит не столько в инструментальном наборе, сколько в структуре целеполагания (фокус на «Русском мире») и в наличии уникального инструмента дипломатии наследия. Сравнительный анализ указывает на существование определённого потенциала использования некоторых достижений японского опыта, прежде всего в плане создания и интеграции в российскую социокультурную практику инструментов кросс-культурного взаимодействия. Посредством этих инструментов осуществлялось не только финансирование производства культурных продуктов, но и обеспечивалось стратегическое продвижение российского культурного контента на глобальном уровне, преодолевая существующий разрыв между его созданием и распространением.

В Заключении обобщаются результаты проведённого исследования, формулируются выводы, подтверждающие положения, выносимые на защиту.

Основные положения и выводы исследования представлены в следующих публикациях автора, в том числе:

в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки высшего образования Российской Федерации:

1. Чебыкин, Д. Д. Специфика реализации мягкой силы во внешней культурной политике (на примере США, КНР и РФ) / Д. Д. Чебыкин // Журнал института наследия. – 2025. – № 2. – С. 74–80. – DOI : 10.34685/НИ.2025.62.44.022. (0,67 п.л.).

2. Чебыкин, Д. Д. «Мягкая сила» как инструмент реализации национальной политики Российской Федерации / Д. Д. Чебыкин // Культура и цивилизация. – 2024. – Т. 14. – № 8–1. – С. 96–108. – (1,1 п.л.).

3. Чебыкин, Д. Д. Культурно-философские предпосылки концепции «мягкой силы» / Д. Д. Чебыкин, А. Ю. Микитинец // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 5. – С. 226–233. – DOI : 10.24158/fik.2024.5.33. (0,84 п.л.).

4. Чебыкин, Д. Д. «Дипломатия наследия» как инструмент «мягкой силы» в кросс-культурных взаимодействиях / Д. Д. Чебыкин // Вестник гуманитарного образования. – 2024. – № 1. – С. 152–161. – DOI : 10.25730/VSU.2070.24.016. (0,88 п.л.).

в других научных изданиях:

5. Чебыкин, Д. Д. Актуальные проблемы государственной поддержки отечественного кинематографа / Д. Д. Чебыкин // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Кабардинка, Геленджик, 26–29 сентября 2024 г.). – Москва : Институт наследия, 2024. – С. 262. – DOI : 10.34685/НИ.2024.26.33.004. (0,06 п.л.).

6. Чебыкин, Д. Д. Культурная дипломатия как инструмент мягкой силы: западный и отечественный опыт / Д. Д. Чебыкин // Таврические студии. – 2024. – № 36. – С. 16–21. (0,51 п.л.).

7. Чебыкин, Д. Д. Инструменты «мягкой силы»: опыт культурологического осмысления / Д. Д. Чебыкин, О. И. Микитинец // МедиаВектор. – 2022. – № 6. – С. 135–139. (0,42 п. л.).

Общий объём публикаций автора по теме диссертационного исследования – 4,48 п.л.

Чебыкин Д. Д.

**ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ»
В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

Автореферат

Подписано в печать: 27.02.2026. Объем уч.-изд. л.: 1,24

Отпечатано с оригинал-макета заказчика